

ВОИН

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Разработка серийного оформления *М. Левыкина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Возвращение в строй / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Спецназ. Воин России).

ISBN 978-5-699-93176-7

Уволившись из армии, бывший спецназовец капитан Павел Кулагин возвращается в родной город Переславль и устраивается в усадьбу депутата областной думы простым рабочим по уходу за территорией. Работа спокойная, место тихое — что еще надо бывшему вояке, сполна хлебнувшему военных невзгод! Но первое впечатление оказалось обманчивым. Как-то Кулагин заметил перепуганное женское лицо, мелькнувшее в окне третьего этажа. А потом девушка выбросила из окна конфету, на обертке которой была написана просьба о помощи. Что-что, а вызволять людей из беды Павел умел лучше, чем даже подметать дорожки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-93176-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Все описанное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Железнодорожный экспресс Москва — Переяславль прибыл на вокзал областного центра точно по расписанию, в 17.05. Возможно, из-за того, что сегодня, 12 июня, был выходной день, народу ехало немного. Капитан запаса Павел Кулагин с десантной сумкой в руке покинул вагон, прошел через зал ожидания, вышел на привокзальную площадь и не узнал район. Он не был в родном городе почти год, и за это время вокруг все изменилось до неузнаваемости. Раньше прямо от вокзала к площади шла прямая дорога, по обеим сторонам которой ютились на крошечных участках такие же крошечные дома частного сектора, сейчас же на их месте высились новостройки различной архитектуры и этажности. Впрочем, дорога осталась, но была оформлена не хуже московского Старого Арбата. Посередине скамейки, цветники, декоративные фонари, там, где проходили тротуары, — молодые деревья, через одно увешанные электрическими гирляндами. Вместо асфальта — брусчатка. Красиво, но как-то непривычно, нагроможденно. Зачем столько многоэтажных домов

на небольшом пятачке? Изменилась и сама площадь. Исчезли торговые палатки, павильоны, небольшой базарчик, не было стоянки такси, где еще год назад всегда стояли свободные машины. Сейчас площадь очистилась от всего, и непонятно, для чего жирная пешеходная «зебра» пересекала ее от вокзала до улицы Вокзальной. Впрочем, машины к зданию подъезжали, но не к центральному входу, а к площадке рядом с техникумом, фасад которого был отделан в дорогом, европейском стиле. Интересно, такая же отделка техникума с тыла, со двора? И вообще, техникум ли вообще здесь или контора какой-нибудь компании, сдающей помещения в аренду?

Кулагин достал сигарету, прикурил.

И тут же откуда-то появился полицейский патруль. Двое полицейских, хорошо, что без автоматов.

— Гражданин, вам известно, что курение в общественных местах запрещено? — спросил подтянутый лейтенант.

— Слышал о новом законе, но рядом со мной никого нет, какое же это общественное место?

Вперед вышел сержант. Он был менее вежлив:

— Умный, да? Говорят тебе, курить запрещено, значит, туши окурок и в карман, пока на штраф не налетел.

Кулагин хорошо относился к ребятам из МВД. Вместе с ними не в одном боевом выходе дрались плечом к плечу с разной бандитской нечистью, но то были боевые офицеры. А эти?

— А что это за тон, сержант? — возмутился он. — И вас что, перед тем как обращаться к кому-то, представляться не учили?

— Борзый, — проговорил сержант и повернулся к лейтенанту: — В отделение его? Проверим, что за «птица», заодно объясним, как следует вести себя с представителями власти.

— Помолчи пока, — кивнул напарнику лейтенант и представился: — Лейтенант Воропаев, линейный отдел полиции. Попрошу ваши документы.

— Это другое дело, учитеесь, сержант.

Тот недовольно отвернулся.

Павел достал удостоверение офицера Службы безопасности, его предстояло обменять на военный билет в связи с увольнением, но пока оно считалось действующим. Имелся у Кулагина и паспорт. В отличие от армейских офицеров, у бойцов отряд спецназа, подчиненных ФСБ, паспорта оставались на руках. Мало ли какую задачу и в каком качестве предстоит решать?

Но лейтенант выбрал удостоверение и, открыв его на первой странице, тут же протянул документ обратно:

— Извините, товарищ капитан. Почему не предупредили сразу?!

— Но я же нарушил закон? — усмехнулся Кулагин. — Впрочем, исправлюсь! — Он затушил окурок, бросил его в урну и добавил: — Один вопрос, лейтенант.

— Да?

— Раньше здесь было много такси. Как сейчас найти машину, не подскажете?

— Наберите на сотовом номер... — назвал цифры офицер, — и такси подъедет через считанные минуты.

— Значит, сейчас так, да?

— Так точно.

— Да ладно, Валер, — вновь выступил сержант, — какой номер? Оператор точно скажет, что свободных машин нет. — Он повернулся к Кулагину: — Вы, товарищ капитан, зайдите за здание слева от вас. Там частники работают. Правда, берут дороже, но зато всегда на месте.

— Что же вы не боретесь с незаконной предпринимательской деятельностью? — вновь улыбнулся Кулагин. Этот диалог с полицейскими немного взбодрил его после вчерашней «отвальной», когда он, как говорится, «выставлялся» перед отъездом и в экспрессе чувствовал себя плоховато. Похмеляться же не стал по той причине, что никогда не похмелялся. Правда, и пил Павел мало. Но это было там, в той боевой жизни, что будет в новой, неизвестной, непонятной, штатской, не знал никто, и в первую очередь сам капитан Кулагин.

— А как бороться с частными извозчиками? Они ставят машины на разрешенную, платную, между прочим, стоянку. Якобы ждут приезжающих родственников, — ответил лейтенант.

— Ясно. Благодарю.

— Всего хорошего!

— Взаимно.

В кармане у Кулагина лежало пять с половиной тысяч рублей. В сумке еще сто тысяч, весь его

стратегический запас. Уволен он был по статье, и на пенсию рассчитывать не приходилось, тем более на квартиру. Впрочем, квартира у него была, небольшая «двушка», всего сорок пять квадратных метров, но своя, точнее, оставленная в наследство матерью, умершей уже в таком далеком 2002 году. Отца капитан не помнил. Да отец его и не видел, подполковник, командир батальона, Николай Павлович Кулагин в мае 1986 года подорвался на mine возле Кандагара в Афганистане. Павел же родился в восемьдесят пятом. Отец должен был приехать в отпуск ко дню рождения сына, и приехал, но в конце мая, в закрытом цинковом гробу и в сопровождении сослуживцев. Естественно, годовалый ребенок помнить этого не мог.

Кулагину не пришлось выискивать частника. Уже на углу к нему подошел мужчина лет пятидесяти:

— Добрый день! Сразу видно военную выправку.

— Скорее уж добрый вечер, — улыбнулся Павел.

— А какая, собственно, разница, день, вечер, утро, ночь, главное, чтобы добрые.

— Вы правы.

— Вижу, вам нужна машина, молодой человек?

— Да.

— И куда ехать?

— На Нестерова.

— Улица Нестерова большая.

— В самый конец, если от проспекта, к перекрестку с Тургенева, крайний левый дом.

— Угу! Девятиэтажка двухподъездная?

— Точно так!

— Говорю же, видно человека военного. Триста рублей устроит? Сразу скажу, такси возьмет в два раза меньше. Но у них заказы, у них оператор, система. Мы же, частники, работаем в одиночку, да еще незаконно. Но жить-то как-то надо! На пенсию не проживешь.

— Триста так триста, — согласился Кулагин, хотя не в его положении было шиковать.

— Тогда стойте здесь, я мигом подгоню машину.

— А здесь остановка разрешена?

— Нет, конечно, но все останавливаются. Чем мы хуже?

Мужчина исчез за углом, и вскоре перед Кулагиным притормозил «Рено». Он бросил сумку на заднее сиденье, сел впереди рядом с водителем, и тот сразу тронулся с места.

Видимо, он был по природе разговорчив, а сегодня пришлось больше молчать, поэтому и решил отыгаться на Кулагине.

— Так я угадал, вы военный? Офицер?

— Был.

— Уволили?

— Да.

— Такого молодого? Вам же, по-моему, и тридцати лет нет?

— Двадцать девять.

— Сокращение?

— Что-то вроде этого.

— Понимаю, не хотите говорить, не надо. А я в свое время в Афганистане служил.

Кулагин с интересом посмотрел на частника:

— Да? Где? Когда?

— У вас там тоже кто-то служил?

— Отец!

— Понятно. Я служил в пехотном полку, в пехотной роте у Герата. С 1985 по 1987 год, с июня по май. В боевых действиях участвовать приходилось, ранен не был, пронесло, но и наград не заимел. Дали «афганку», знак воина-интернационалиста и в восемьдесят восьмом юбилейную медаль. Рядовым стрелком я был. Но что медали, ордена, главное, домой живым-невредимым вернулся. А в роте за два года шестнадцать пацанов погибло да два офицера. Когда внезапно домой явился по дембелю, увидел мать и окаменел. Поседела она за эти два года, ждавши сына. А ваш отец?

— Мой отец командовал батальоном, тоже мотострелковым. Подорвался его БТР на mine. Отца и механика убило сразу, наводчик и еще один боец умерли по дороге в госпиталь. Он знал, что я родился, но так и не увидел меня. Перед самым отпуском погиб.

— Извините. Кстати, я — Игорь Борисович, или просто Борисыч!

— Не за что извиняться, Борисыч. Война. Меня же зовут Павел.

— Очень приятно. Ну, вот и поворот к крайнему дому. У вас какой подъезд?

— Первый!

Борисыч затормозил.

— Приехали!

Кулагин достал деньги, вытащил три сотни, протянул водителю:

— Держите, как договаривались.

Борисыч вернул сотку:

— Давай так, тебе сейчас с финансами туго придется. Если без пенсии, работу-то, конечно, найдешь, молодой, здоровый офицер, да вот сколько платить барыги наши за работу станут? Те каждую копейку считают у других, а на себя же миллионы тратят, — сказал водитель и вернул сотку.

— Спасибо, Игорь Борисович!

— Просто Борисыч, и на «ты», хоть, может, и не увидимся больше. Ты вот возьми номерок мой. Мало ли куда съездить надо будет, позвонишь, подъеду. И тебе хорошо, и мне приработок. А можно и без него. Война та афганская повязала нас. Извини, что задерживаю, я говорил о том, что у меня в роте двое офицеров погибли, так вот один из них мой взводный, старший лейтенант Коренев Сергей Викторович, двадцать три года ему было, но офицер от бога. Так вот, зажали нас как-то «духи» в ущелье. Прорваться сил не хватает, второй взвод тоже застрял под обстрелом. Короче, хана нам всем, если бы не взводный. Коренев приказал всем по трещине на верх перевала подниматься, а сам остался прикрывать отход. Взвод вышел на перевал, там уже как следует укрепились, а

вот старший лейтенант погиб. Подорвал себя гранатой, когда патроны кончились, а «духи» близко подошли. Геройской смертью погиб Сергей Викторович. Вот так. Ну, если что, ты звони.

— Обязательно.

Сзади уже сигналила «Тойота», кому-то не терпелось ко второму подъезду проехать.

Кулагин пожал руку водителю, забрал сумку и положил в карман листок с телефоном Борисыча, где значилась и его фамилия — Павлов.

Войдя в подъезд, он поднялся на второй этаж, посмотрел на почтовый ящик, который оказался пустым. Оставив сумку у своей двери, позвонил соседям, которым оставлял ключи от своей квартиры. Дверь открыл мужчина лет под шестьдесят.

— Опять по Интернету? — спросил он и осекся: — Пашка, ты?!

— Я, Георгий Степанович, добрый вечер.

— Здорово, чертила, ты в отпуск, что ли?

— Нет, насовсем.

— Не понял? Уволился?

— Уволился. Вы мне ключи дадите?

— А?! Ну, конечно. — Георгий Степанович повернулся и крикнул в глубь квартиры: — Аннушка, поди сюда!

— Чего тебе? — услышал Кулагин недовольный голос соседки. — Опять какую-нибудь ерунду предлагают, и не надоело тебе болтать с ними? Лампочку в ванной лучше замени.

— Да что ты как пулемет трещишь? Пашка Кулагин приехал.

Маслова тут же оказалась в прихожей, отодвинув мужа:

— Паша? Здравствуй, дорогой! А я подумала... да что ты стоишь, проходи.

— Да нет, тетя Ань, мне ключи бы.

— Жора! — повернулась Анна Сергеевна к мужу. — Ты чего стоишь? Где ключи?

— Да вот они. — Георгий Степанович вручил капитану ключи: — Держи, герой, не волнуйся, с хатой все в порядке, каждый день проверял.

— Ага, — воскликнула Маслова, — когда был трезвым, а трезвый ты бываешь нечасто.

— Завела старую пластинку. Сегодня же праздник. Да не один, два праздника. Паша вот приехал. Пошли, Паш, покажу квартиру.

— Чего тебе ходить? Парень домой вернулся, не до тебя ему, — возразила жена.

— Не до меня? А чем твой парень сегодня питаться будет? В холодильнике пусто, сам устал с дороги, тут хочешь не хочешь, а придется мне в магазин идти. А я не против, для Паши-то.

— В магазин и я схожу.

— Вот что, женщина, не порть мне, не порть нам настроение. Лучше приготовь чего-нибудь горяченького.

— Да я как-нибудь сам, — улыбнулся Павел, наблюдая за суетой соседей.

— Как это сам? — воскликнул Маслов. — Мы что, чужие тебе?

— Не хочу вас напрягать.

— У нас, Паша, напряги друг от друга с женой. Да и немудрено, вдвоем постоянно. Сын-то, Авдей, в Москве.

— Знаю. На высокой, говорят, должности?

— Э-э, в какой-то компании, что торгует всякой электронной хренью. Но платят хорошо, столько здесь не заработаешь, да и невеста у него там с квартирой.

— Ты чего разговаривался, старый?

— Действительно! Идем, Паш.

Кулагин открыл дверь. Из квартиры сразу пахнуло каким-то затхлым запахом. Вещи без людей превращаются в труху.

— Вот, Паша, гляди, все как было, когда ты уезжал. — Он подмигнул Кулагину и достал из кармана тренировочных брюк бутылку водки: — А это за встречу, надо обязательно. И быстрее, до Анны.

— Вы что, Георгий Степанович, с собой ее носили? — удивился Кулагин.

— Она у меня в заначке, за обувной полкой стояла, — хитро усмехнулся сосед.

— Я не заметил, как вы ее взяли.

— Ты не заметил, и Анна не заметила. Приходится вертеться в условиях наложенных на меня собственной супругой санкций.

— Что за санкции?